
– ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ –

DOI 10.25587/2587-5604-2024-1-62-73

УДК 113/119

М. Я. Мацевич

Сибирь как экзистенциальный «топос» бытия и мышления в перспективах философского творчества П. С. Карако

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Цель статьи – рецепция идей белорусского философа П. С. Карако в контексте тенденций русского космизма, русской литературы и сибирской экзистенции, социальной доктрины Католической церкви. Эксплицировано изначальное присутствие означенных мотивов в его работах. Методологический подход автора исходит из диалектической позиции, объединяя в одно целое бездушную, но деятельную «вещь» и интеллект, способный осмыслить и оформить бездушные вещи. Эта диалектика характеризуется отрицанием грубого противопоставления идеализма и материализма, опирается на точную науку, всестороннее изучение предмета самого по себе. Реализованы методы: компаративный, метод типологического анализа культур. Осуществлен анализ социодинамики экосознания в Белоруссии и Сибири в контексте взаимодействия белорусской и сибирской культурной традиций в их отношении к новоевропейским ценностям, нормам прогресса. Выявлены социокультурные условия формирования экофильных трансдисциплинарных программ в белорусской и сибирской культурах. Определены перспективы и возможные направления трансдисциплинарного, кросскультурного синтеза в решении экологических, антропологических проблем современности. В тексте показывается, что условия существования обуславливают не только биологический способ адаптации и поведения, но и тип экзистенции гражданина, тип стилистики письма и мышления.

Ключевые слова: космос, природа, онтология, смысл, трансцендирование, экология, Сибирь, эволюция, энциклика, нравственность, субъективность.

M. J. Matsevich

Siberia as an existential ‘topos’ of being and thinking in the perspectives of Pyotr Karako’s philosophy

Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus

Abstract. The author of this article describes the reception of the ideas of Belarusian philosopher Pyotr Karako in the context of tendencies of the Russian cosmism, Russian literature and Siberian existence,

МАЦЕВИЧ Мария Янушевна – к. филос. н., доцент кафедры экономики и управления инновационными проектами в промышленности, Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Беларусь.

E-mail: vv0045@mail.ru

MATSEVICH Maryia Janushevna – Cand. Sci. (Philosophy), Docent, Associate Professor, Department of Economics and Management of Innovative Projects in Industry, Belarusian National Technical University, Minsk, Belarus.

and the social doctrine of the Catholic Church. The author shows the implicit presence of these motifs in Karako's works. A methodological approach of the author proceeds from a dialectical position, which united into a single whole a soulless but active thing and intellect which is able to comprehend and to give shape to soulless things. This dialectic, characterized by a rejection of the contrast between idealism and materialism, is based on a precise science and comprehensive study of the subject itself. Methods used: comparative, typological analysis of cultures method. The analysis of eco-consciousness' sociodynamics was undertaken concerning Belarus and Siberia in the context of the Belarusian and Siberian cultural traditions' interaction in their relations with New-European values, norms of progress. The sociocultural conditions of forming ecophilian transdisciplinary programs in the Belarusian and Siberian cultures were displayed. There were defined the prospects and possible directions of the transdisciplinary, crosscultural synthesis for solving contemporary ecological, anthropological problems. The text describes conditions, which determine a biological way of adaptation and behavior, as well as a type of civil existence, a style type of writing and thinking.

Keywords: cosmos, nature, ontology, sense, transcendence, ecology, Siberia, evolution, encyclical, morality, subjectivity.

Введение

Не тот бессмертен на земле, кто превзошёл других
в добре или во зле...
Но всех бессмертней тот, кому сквозь прах земли
Какой-то новый мир мерещился вдали —
Несуществующий и вечный,
Кто цели неземной так жаждал и страдал,
Что силой жажды сам мираж себе создал
Среди пустыни бесконечной.

Н. Минский

18 сентября 2022 года ушел из жизни доктор философских наук, советский, белорусский философ профессор Петр Семенович Карако...

Петр Семенович писал на самые разные философские темы: о выдающихся фигурах в истории философии, прежде всего, о «русских космистах», особенно примечателен своими работами в области философии природы, социальной экологии. Его основные монографии «Философские аспекты индивидуального развития организма» (1974), «Революция в современной биологии и ее социальные аспекты» (1982), «Природа в художественной литературе» (2009), «Социальная экология: экологическое сознание» (2011), «Эстетика природы» (2012), «Природа и нравственность» (2013), «Философия природы: прошлое, настоящее, будущее» (2016).

Цель статьи — продемонстрировать положения белорусского философа Петра Семеновича Карако: несовместимость подлинно человеческого с преобладающей социально-экономической моделью, глобализированным неолиберальным капитализмом; настоятельная необходимость «революции нежности» и милосердия на основании предложений Папы Франциска, сибирской духовной традиции. Сопутствующие задачи: включение экологических проблем в философскую антропологию, Социальную доктрину Католической церкви; обоснование современного кризиса идентичности самой логикой эпистемологического процесса, преобладающей сциентизацией, фрагментаризацией знания; необходимость реализации принципа наименьшего действия как онтологической неизбежности (когда границы превышены, высокомерие захватывает человека, и он становится существом, отличным от своего призвания). То, что ранее вызывало личную смертность, сегодня может вызвать смертность как вида.

Существует тесная взаимосвязь между трактовкой Карако конкретных этических проблем и его философской антропологией. В различных отношениях этические оценки основываются на внутренней теории человеческой личности Петра Семеновича: человеческой личности как «самотрансцендентного» существа. Однако Карако писал и о многих современных этических противоречиях, таких как проблемы адаптации, границы жизни, детерминизм и целевые причины современного научного знания, проблема красоты, формирования экологического сознания, экологическое образование, проблема нравственности.

Такой разнообразный объем работ, естественно, вызывает вопрос: какова связь между его трактовкой конкретных этических проблем и философской антропологией? Должны ли мы рассматривать их как отдельные и не связанные между собой аспекты его философии? Являются ли эти сложные этические дилеммы просто слишком далекими от нашего обычного опыта, чтобы иметь какую-либо существенную связь с его видением судьбы отдельного человека? Или вместо этого можно усмотреть более глубокое единство в его мыслях? То есть: основаны ли его этические оценки каким-то образом на философии природы?

В этой статье утверждается, что в мысли Карако действительно есть единство. И это единство, цельность духа роднит его с русскими космистами, с учеными и писателями Сибири, позицией Папы Франциска; осуществляются попытки выявить и прояснить это единство посредством изучения философской антропологии Карако и его оценки конкретных этических проблем. Опора в статье делается не только на монографии, но и на множество его более коротких работ (статьи, тезисы). Небольшие статьи включали этические оценки Петра Семеновича различных проблем: природы красоты, тайны смерти, сути космизма и общности духовных исканий русских философов, ученых, русских поэтов, особенно поэтов символистов [1; 2; 3]. Хотя эти вопросы интересны сами по себе, конечная цель представленного текста выходит за рамки самих проблем. Они изучаются на этих строках в надежде сформулировать более общие выводы о взаимосвязи этики и антропологии, вплетая их в венок энциклик Папы римского Франциска. Энциклика «*Laudato si'*» открыла путь к новой энциклике «*Fratelli tutti*», в которой мы находим стимул увидеть себя братьями на этой земле, в нашем общем доме через признание различий и заново открыть для себя совместную жизнь, а не индивидуалистический подход, чтобы изменить направление и построить более справедливый мир для всех.

Свободное отношение человека к природе

«...новая форма причинной связи и состояния детерминированного хаоса может быть еще одним свидетельством объективности причинной связи и ее проявления в разных формах. Причем циклическая причинность раскрывает свою сущность через случайные связи. Все это означает и то, что познание самоорганизующихся систем может осуществляться только на методологической основе современного детерминизма. Синергетика не только не отрицает новейшую форму детерминизма, а, наоборот, подтверждает ее универсальную выраженность и парадигмальный статус в современной науке. [...] А обращение исследователей к анализу сложных самоорганизующихся и развивающихся систем приводит к «расширению» детерминистской парадигмы в современной системе научной рациональности и «включению» в число методологических установок науки целевой и других форм причинности» [4, с. 15].

Это предпочтительный способ Карако говорить об особой реальности личного бытия по отношению к природе, об экофилософии и экоэстетике, экоэтике. В списках публикаций Петра Семеновича можно найти около тридцати статей по этому вопросу, что свидетельствует о частоте, с которой он прибегает к означенной терминологии. Наше личное бытие чаще всего состоит в «обладании». Называть кого-то личностью или, возможно, лучше

признать его таковым, указывает на различие в этом человеческом существе между «кто» и «что». «Кто» соответствует владельцу, в то время как «что» относится к космосу. Каракко обычно включает в «что» свойства, качества или атрибуты, которыми можно обладать, под общим термином «природа». Проще говоря, люди не идентичны своей природе. Точнее говоря, у людей есть своя природа.

Это различие, которого нет ни у какого другого животного, кроме человека, «разумного животного». Применительно к другим животным понятия «кто» и «что» неразличимы. На самом деле нет «кто», есть только «что». Люди способны различать свое бытие и свой специфический способ бытия (свою природу). Как и другие животные, люди – это то, что они есть (у них есть природа), и все же они такие, какие они есть «по-другому», что Каракко описывает как «социальную экологию». Им написаны статьи «Адаптация», «Жизнь» для «Новейшего философского словаря» [5].

У людей есть природа. А именно, люди – те существа, которые несут свои свойства / атрибуты. В формулировках Каракко проясняется, что человек – своего рода отдельная сущность, обладающая своими свойствами [6, с. 107–121]. Наиболее непосредственно в параграфе «Природа – объект нравственных обязанностей» Петр Семенович риторически спрашивает: если человеческая природа – нечто, чем кто-то обладает, то чем она обладает? Его ответ совершенно ясен: личность не является самостью вне своей природы, сущностью без нравственных обязанностей [6, с. 109]. Вы – это не ваше тело. В случае с личностью в игру вступает другой онтологический уровень: продолжая оставаться своим телом, вы (как личность) обладаете своей природой. Обладая своей природой, люди одновременно духовны и естественны. Концептуальное различие может быть достигнуто, но реального различия нет. Люди, одухотворенные натуры.

«Социальная экология» открывает две различные онтологические возможности действия для людей: естественный уровень поведения, разделяемый людьми с животными, и более высокий уровень самопревосходящего действия, характерный только для «разумных животных», которых мы называем личностями [6, с. 150]. «Экологическая нравственность» определяет вертикаль, выводя на новый и отличающийся онтологический уровень, задавая интенции трансцендентному мышлению [7].

Проблема «мировоззрения» и «банализации знания»

Каракко допускает истинность утверждения о том, что мы живем в эпоху тотального просвещения, в которой научные результаты больше не являются предметом идеологической борьбы в общественной сфере [8, с. 33].

Полный отказ от Откровения как надежного источника знаний и его теологическое переосмысление, делающее Откровение невосприимчивым к научным результатам, возникшим в результате конфликта между мировоззрением К. Птолемея и Н. Коперника, проложило путь к «банализации мировоззрений». Существует три современных способа реагирования на «банализацию знаний». Первый – теоретическое сопротивление. Второй – диалектическое видение. Третий путь – это попытка И. Канта понять человеческую субъективность как условие нашей объективации мира (он подчиняется законам объективного слова только в том случае, если делает себя объектом теоретического исследования). Кантовское решение проблемы сциентизма состояло в том, чтобы сделать субъективность невосприимчивой к атакам объективирующей науки. Кант отмечал, что сциентизм знает только взаимосвязи материальных условий и не постигает Абсолюта, представленного в базовом моральном опыте [9, с. 182].

В дарвиновской интерпретации это означает конец субъективной неприкосновенности Канта. Современное обсуждение эволюционной парадигмы характеризуется применением

дарвиновских замыслов ко всему космическому процессу, а также к происхождению жизни, и попыткой реконструировать генетически трансцендентальную субъективность. Для данного момента эволюционной теории характерно, что она отказывается выводить субъективность за скобки как несоизмеримую и не пытается деконструировать субъективность как иллюзию, но пытается реконструировать в качестве служащей нашему выживанию [10, с. 20].

Эволюционная этика не обязательно отвергает использование термина «добро» в абсолютном смысле, но и не обеспечивает его адекватного научного объяснения. Эволюционная теория может проделать долгий путь в реконструкции основного содержания человеческой этики в функциональных терминах и может даже подчеркнуть дисфункциональность некогда полезных поведенческих паттернов (одна из главных проблем последних публикаций в области этологии человека). Однако чего эволюционная теория не может сделать, так это установить специфическую форму человеческой этики, форму Абсолюта, выраженную в использовании слова «добро» в безотносительном смысле [2, с. 33]. Хор нравственных призывов, которыми изобилуют книги по эволюционной мысли, не могут изменить этого факта, ибо дарвинизм сам сначала лишил эти самые призывы всей их силы.

Условием такого теоретического размышления является то, что мы не можем понимать Абсолют как относительно абсолютный, абсолютный только для нас. Как вообще можно реконструировать происхождение негативности, не задавая при этом вопроса? Признание предполагает восприятие другого как другого, как того, кто является чем-то большим, чем кажется мне, в то время как мне одинаково ясно, что я кажусь ему таким же. Осознание того, что акт узнавания полезен для выживания, остается внешним по отношению к значимости акта узнавания, поэтому редукционизм не работает [1, с. 245]. Абсолют подразумевает отрицание обусловленной реальности. То, что мы являемся самоцелью, полностью не зависит от того, рассматриваем ли мы себя как цель природы и результат эволюции. Даже самые высокие притязания, какие только можно вообразить, не могли бы стать основой для идеи человеческого достоинства. Человеческая способность к рефлексии на самом деле предполагает способность дистанцироваться от естественных целей и занимать по отношению к ним позицию, как позитивную, так и негативную [2, с. 35].

Трансверсальность как аксиологическая доминанта

Перед лицом современных вызовов, различных, но имеющих много общего, парадигма интегральной экологии оказывается особенно подходящей для визуализации и концептуализации способов, которыми происходят процессы глобализации, со всеми их взаимосвязями и трансверсальностью. Старые парадигмы сейчас устарели, неадекватны. Парадигма «социальной экологии» Каракко, наряду с русским космизмом, последними Энцикликами Папы Франциска ориентируют мир на эффективные и конкретные возможности для перемен. Важно искать целостные решения, рассматривающие взаимодействие природных систем друг с другом и с социальными системами. Существуют не два отдельных кризиса – экологический и социальный, а, скорее, единый и сложный социально-экологический кризис [11, с. 107].

Если верно, что человеческая природа существенно отличается от растительного или животного начал, то в равной степени верно и то, что контекст, в который включен человек, представляет собой систему, состоящую из явных или скрытых, понятных или загадочных связей. Энциклика «*Laudato Si'*» («Прославлен будь, мой Господи») представляет собой дальнейший шаг вперед в понимании мира, требующего не только просто технического взгляда, но и созерцательного характера во имя понимания его более глубоко. Это означает, что мы должны окончательно преодолеть тот отсканированный подход к реальности,

который утвердился в современную эпоху в целях неправильно истолкованной научной строгости, и заново открыть для себя целостность взгляда, способного соединить различные дисциплинарные матрицы. Открытие заново этих взаимосвязей – это способ понять, что только путем интеграции различных аспектов можно достичь развития, не просто являющегося экспоненциальным ростом с количественной точки зрения, но и чем-то более совершенным и доступным для всех (пункт 13, 14) [11, с. 14–15].

Проект, на котором Папа Франциск настаивал с самого начала своего понтификата, – изменение курса, и через энциклику «Fratelli tutti» («Все братья») он указывает путь, по которому следует идти: встраивание «нас», живущих в общем доме, проживание людей, способных приветствовать различия. Отправной точкой является осознание парадокса нашей эпохи, соответствующего растущей глобализации с одинаково высокой фрагментацией и изоляцией. «Несмотря на нашу сверхсвязанность (hyper-connectivity), мы стали свидетелями раздробленности, которая затрудняла решение встающих перед нами общих проблем» [12, с. 29].

Вопреки очевидным связям мы более одиноки, чем когда-либо, в этом массовом мире, который отдает предпочтение индивидуальным интересам и ослабляет общественное измерение существования; «...культура объединяет мир, но разделяет людей и нации, ведь по мере того, как общество становится все более глобализованным, оно делает нас соседями, а не братьями» [12, с. 33].

Столкнувшись с нашими гиперсвязанными, но в то же время и гипериндивидуалистическими обществами, Папа Франциск предлагает заново открыть для себя слово «сосед»: кто мой сосед, о котором я забочусь? Этот вопрос необходимо перечитать в свете евангельской притчи о добром самаритянине, также помогающей его переформулировать: значит, важно не столько, кто мой ближний, сколько кому я делаю себя ближним? И именно эта перспектива способна открыть границы, заставить нас преодолеть трудности и стать братьями и сестрами без исключения.

Папа Франциск любит говорить о «революции нежности», производящей Воплощение Сына Божия. Эта революция, однако, требует личной инициативы в качестве первого шага: узнавания, прояснения красоты и добра. Папа предлагает то, что сегодня является вершиной экологического дискурса: работа в регионах, биорегионализм, обеспечивающий истинную устойчивость и гуманизацию сообществ, соединяя местное с универсальным [13]. Новая парадигма братства и социального лицеприятия раскрывается в любви, в ее публичной реализации, в заботе о самых хрупких, в культуре встречи и диалога, в политике как нежности и доброте. Если сказанное переводить на язык естественных наук, то в «нежности» принципа наименьшего действия [14]; «нежности» русского космизма и особой «нежности» духа Сибири.

Франциск Ассизский определял доброту как состояние души не резкое, грубое, жесткое, а приветливое, мягкое, поддерживающее и укрепляющее. Человек, обладающий этим качеством, помогает другим сделать свое существование более сносным [15, с. 63].

Солидарность является одной из основ человеческого и социального существования. Она конкретно выражается в служении, которое может принимать самые разные формы и брать на себя бремя других; в значительной степени оно заботится о человеческой слабости. А «нежность – это конкретное экзистенциальное достояние, способное воплотить в наше время любовь» [13]. Новая революция должна свершиться через нежность, через радость, которая всегда становится близостью и состраданием, являющимися не жалостью, а страданием ради освобождения. Подобная нежность побуждает участвовать в жизни других людей и служить им. «Социальная экология» Каракко, философия русского

космизма, проза В. Распутина, В. Астафьева заставляют покидать наши дома и идти на встречу другим, разделять их радости, надежды и разочарования; не дают человечеству раздвоиться между «своим миром» и «другими», «ними».

Чтобы сделать это, нам нужно обратиться к философии и обоснованию «места», «топоса» в экзистенциальном понимании человеческого опыта. Отвечая на вопрос, почему «топос» имеет такое значение, можно отметить, что он структурирует вовлеченность человека в мир. Главным мыслителем, развившим проблематику места в философии, является Мартин Хайдеггер. Экологическая философия задает фундаментальные вопросы о том, как люди живут и должны жить, как мы находимся в мире и что все это значит для того, какими существами мы являемся. Но это и глубоко хайдеггерианские мотивы: от онтологических вопросов – к вопросам отношений о технологиях в нашей современной жизни или о том, как «жилище» может быть чувствительным к окружающей среде [16]. Однако для Хайдеггера вопрос «места» всегда остается вопросом бытия (*das Sein*), что значит быть. Он предпринимает свое исследование смысла бытия через «*Dasein*», способ бытия, которым мы обладаем. Люди всегда уже присутствуют в мире, то есть всегда уже на месте, что особенно актуально для белорусского типа сознания в перспективе его «тутэйшасці», «трясінности», «земляной силы мысли» и локализации места.

Связь между *Dasein* и миром трудно разорвать. *Dasein* можно только понять, как существующее уже в мире. И именно это соотнесение делает возможным «пространственность», «место» для *Dasein* [17, с. 230–232]. Хайдеггер ссылается на это даже в самом термине «*Dasein*». «*Da-sein*» в переводе с немецкого означает «там-бытие», но важно отметить, что «там» в этом термине не означает, что *Dasein* находится там, как объект может быть «там». «*Da*» *Dasein* не является указанием на «там» или «где» местоположения, позиции, но в сочетании с «*sein* – бытием» обнаруживает, что у существа есть позиция «там». «*Da*» *Dasein* должно обозначать открытость, в которой сущее может присутствовать для человека, а человек также для самого себя [18, с. 7, 11, 15, 41]. Понятие бытия отличает человечность человеческого существа. В разделе «Любовь и трепет в экзистенции Севера» монографии Ю. В. Попкова, Е. А. Тюгашева своеобразие топологии Сибири, особенности восприятия Ничто, Небытия, ужаса, страха, любви и трепета рассматриваются как «фундаментальные экзистенциалы» особенно присущие сибирякам [17, с. 239–243].

Духовное значение Сибири

«Если для жителей Европы и США, равно как и для жителей Азии, мегаcivilизационная самоидентификация не представляет существенных проблем, что четко фиксируется в словосочетаниях: “мы – люди Запада” или “мы – восточные люди”, то у людей, проживающих в России, мегаcivilизационная принадлежность вызывает многочисленные споры. Здесь можно встретить и тех, кто считает себя принадлежащим к западной цивилизации, и тех, кто называет себя восточными людьми, и, наконец, тех, кто считает Россию особым культурно-географическим миром (или мегаcivilизацией)» [19, с. 341].

Сибирь – это не только историко-географическая и политико-административная реальность, но также сложная духовная конструкция, характеризующаяся динамическими границами, трудно определяемыми. Это место воображаемой географии, порожденной текстами В. Распутина, В. Астафьева, картинами В. И. Сурикова «Взятие снежного городка», «Покорение Сибири Ермаком», образами и архетипическими культурными моделями, на материале которых создаются мифы. Название «Сибирь» традиционно ассоциируется с самыми низкими температурами, с неизмеримыми пространствами, которые в не столь далеком прошлом были местами ссылок и, следовательно, огромных страданий. В то же время Сибирь олицетворяет грандиозную и незагрязненную окружающую среду, бесцен-

ные залежи сырья, разнообразный антропологический и культурный ландшафт, результат долгого путешествия, начинающегося с доисторических времен и свидетельствующего о том, как человек на этих землях смог продемонстрировать свою исключительную способность адаптироваться к климату, окружающей среде.

«Таким образом, в отношении Византийской, незападной Европы в начале “moderna”, мы можем говорить о двойственном событии: с одной стороны, происходит распад древней Византии с ее исторической преемственностью по отношению к Римской Империи; с другой стороны, эта вторая Европа получает с Москвой новый центр и расширяет свои границы на восток, чтобы, наконец, возвести в Сибири своего рода новую предварительную структуру» [20, р. 32]. Йозеф Ратцингер рассуждает о том, что Сибирь не принадлежит Европе, хотя и населена европейцами, образ мышления и жизни которых к тому же вполне европейские. Он задается вопросом: куда исчезают границы Европы южнее сообщества народов под названием Россия? И по какой демаркационной линии проходит граница в Атлантическом океане? Папой Бенедиктом XVI подчеркивается, что Европа является географической концепцией лишь в совершенно «вторичном» смысле. Европа – это не континент, который можно четко понимать в географических терминах; скорее, культурная и историческая концепция [20].

Непрерывный путь развития, поиска идентичности Сибири и сегодня демонстрирует грандиозность и противоречивость. В частности, взаимодействие между человеческой культурой и природой в настоящее время переживает решающий момент: сложная синергия между глобальной политикой развития и геополитическими стратегиями рискует поставить под угрозу хрупкий экологический баланс территории. Сибирь не раз вызывала экзистенциальное потрясение, духовное смятение. Не обошло оно и русско-немецкого философа Ф. Степуна. «Именно тогда в Иркутске философ признался, что “задолго до евразийства” понял и почувствовал неправоту Канта и германскую тщету: “Живи он не в Кёнигсберге, а в Сибири, он, наверное, понял бы, что пространство вовсе не феноменально, а насквозь онтологично. На Байкале он, вероятно, написал бы не трансцендентальную эстетику, а метафизику пространства. Эта метафизика могла бы стать для немцев ключом к пониманию России”. Безумно мечтать о победе над страной, в которой есть Сибирь и Байкал...» [21, с. 8].

Весьма значимый, актуальный статус приобретает сибирская мистическая традиция. В частности, раньше ассоциировавшийся со всеми формами отсталости и обреченная на исчезновение, теперь же шаманизм оказывается идеализированным течением, выдвигавшимся ныне в качестве модели экологической философии Нью-Эйдж, художественного творчества теорий «перформанса» или как модель постмодернистского развития личности.

История идей на Западе переместила шаманизм из порядка культурного феномена на уровень индивидуальной субъективности. На самом же деле – это поддержка своей идентичности перед лицом иных обществ, придерживающихся других религий, и она остается таковой, даже если, как сегодня в постсоветской Сибири, шаманов в ортодоксальном смысле, который преобладал столетие назад, практически больше нет. В этом ракурсе можно вспомнить и использовать философию М. Элиаде, П. Кулиану. Когда «система» пытается вторгнуться в «жизненный мир», она ставит под угрозу его существование. По этой причине необходимо защищать «мир жизни» от неоднократных попыток колонизации, насильственно осуществляемых «системой». «Силы духа и силы природы, пусть стихийно и внерационально, но всегда действуют заодно в мифопоэтической традиции сибирских и, шире, евразийских народов, обеспечивая единство всех уровней и всех существ в мироздании, воплощая исконное духовно-экологическое единство Космоса, от которого ушло,

но к которому призвано вернуться на новом, уже научно-рациональном и философском уровне крепко заплутавшее человечество» [19, с. 282].

Хотя тема Сибири всегда фигурировала в экологическом мышлении на Западе, европейская антропологическая, феноменологическая философия лишь сравнительно недавно обратилась к концепции Сибири, возможно, из-за растущего интереса к дикой природе пространства, явно не являющимся местом, имеющим человеческое значение. Сибирь не есть часть России, она «больше, чем часть? Без нее Россия – уже не Россия» [22, с. 104]

Одним из новых подходов в исследованиях природы, «топоса» становится «экофеноменология, основывающаяся на «философия взгляда», исследовании человеческого тела в нечеловеческом мире (базируясь на текстах М. Мерло-Понти). Отдельно развивается биорегионализм, привлекая внимание к нечеловеческому миру на основе специфики мест и близлежащих поддерживающих экосистем, сообществ, которые их разделяют. Совсем недавно появилась нарративная экологическая этика, герменевтическая экологическая этика, специально исследующие значения, заключенные в окружающей среде и местах, в которых мы находимся, сосредоточиваясь больше на культурном ландшафте, способствуя общим и унаследованным значениям, а также более глубокому объяснению и пониманию этих значений. Например, интересна феноменология цвета, света в белорусской и сибирской культурах [17, с. 245]. Чистота, незамутненность белого, его «целомудрие», «герменевтика молчания», особая нежность /пшчота/, покой в белорусском варианте. В культуре же Сибири это скорее феноменология «черного квадрата» К. Малевича, феноменология «Светового человека», описанная А. Корбеном [17, с. 244–247].

Выводы

Только после окончания чьей-то жизни мы можем взглянуть на нее в целом. Однако даже в течение жизни человека каждая ее часть уже информирована точкой зрения непостижимого целого, в которое она трансцендирует саму себя. Теперь, когда жизнь Петра Семеновича подошла к концу, ее можно рассматривать как единое целое, и мы можем попытаться определить некоторые из основных тем, объединяющих ее части.

Хотя Карако интересовали в основном вопросы философии природы, для него гносеология, методология, этика никогда не могли быть отделены от метафизики. Он не стремился доказать своему читателю с помощью ряда необходимых умозаключений, что такое личность, скорее, Петр Семенович пытался напомнить, что есть понимание «Человека» в планетарном масштабе. И это его роднит с идентичностью Сибири, «северным космизмом» в поэзии Ю. Шесталова. Оба автора старались привлечь внимание к важным аспектам бытия; такой подход уважает свободу читателя и дает возможность получить представление о единстве мира. Книги П. Карако, поэзия Ю. Шесталова, мистическая проза Г. Федосеева, «хтоничность» текстов В. Распутина, В. Астафьева не только учат, но и исцеляют душу. Читатель не должен беспомощно соглашаться с подавляющей силой аргументации, он может распознать суть «Человека» среди различных примеров, приведенных и проанализированных. Такой способ философствования придает онтологии Карако, сибирских авторов прочную связь с природными явлениями. «Современное сознание, особенно такая его форма, как экологическое сознание, не только “прорабатывает” экологические проблемы, но и “накладывает” свой отпечаток на другие формы общественного сознания, в том числе и на искусство» [2, с. 31].

Переосмысление идентичности, по своей сути, кажется, вступает в противоречие с глубоко человеческими заботами о месте: о том, как мы обустроиваемся, населяем и работаем; об исторических слоях культурных ландшафтов и о том, как они ориентируют нас [23]. Переосмысление ставит под сомнение географическую, политологическую концепции

«места» [24, с. 52–60], и во введении, в задачах статьи объясняется герменевтический подход представленного текста: попытка разрешить конфликт «места» Сибири, Белоруссии как отношения принадлежности и непринадлежности «месту», «топосу», оспаривая или восстанавливая их путем повторного освоения.

Петр Семенович Карако серьезно относился к парадоксам, выявленным в русской литературе, русской поэзии, к проблеме прощения и смерти, он пытался использовать эти парадоксы, чтобы продумать форму личности, раскрывающуюся как «самопревосхождение» себя в единстве с космосом. Результатом является онтологическое понимание человека, допускающее иные реалии, как и то, что родной сын Петра Семеновича стал отцом Константином, ксендзом и служит ныне в Белоруссии. Католическая традиция удивительно роднит белорусов с Сибирью, с кармелитской традицией святого Р. Калиновского, повстанца, ссыльного, обретшего в Сибири иные смыслы и векторы трансцендирования (часть мощей святого находится в иркутском Соборе Непорочного Сердца Божией Матери), в честь святого основан женский кармелитский монастырь в Усолье-Сибирском.

Можно сказать, что онтология Карако позволяет нам «быть». «Самопревосхождение» человека часто проявляется во владении собой, но с таким же успехом оно может проявляться в самозабвении, в отпускании, родне с духом Сибири. То, как человек подходит к смерти, служит проверкой на «самопревосхождение». Смерть лишает человека всего «качественного». Однако индивид в любом случае никогда не был идентичен своим качествам, и поэтому нет оснований предполагать, что смерть лишает человека его уникального положения в мире просто потому, что это, казалось бы, лишает его видимых качеств.

Монографии Карако далеки от нашего повседневного житейского рутинного опыта, они не «оставляют нас в покое». Тексты Петра Семеновича, как и проза писателей Сибири, сибирских философов побуждают быть здесь и сейчас, «присутствовать». Человеческая история с самого начала была отмечена различными формами веры в бессмертие души или в то, что человек переживает смерть. Нет ничего неправильного думать, что любовь сохраняется даже после смерти. Такая вера не является триумфом диких эмоций над разумом, скорее, она соответствует реальности «самопреодоления». В конце концов, любовь – это высшая форма «самотрансцендирования». И есть что-то бесконечное в «самопревосхождении», понимаемом в смысле утверждения реальности «Иного», «Другого».

Люди не должны просто относиться друг к другу как иррациональные организмы, вместо этого достоинство должно управлять или наполнять человеческое поведение. Этот аспект рациональной интерсубъективности очевиден в текстах Карако [7]. Кантовская идея человека как «самоцели». Предоставление достоинства, поскольку оно касается правовой сферы, не может иметь никакого другого значения, кроме того, что носитель достоинства является, как сказал бы Кант, «самоцелью». Однако Петр Семенович, в свою очередь, объясняет идею человека как «самоцели» с точки зрения рационального обоснования. К человеку относятся как к цели, а не как к средству, если предлагаемый курс действий способен быть рационально оцененным в виде отвечающего его интересам или рационально оправдан для него посредством культуры, «экологии мышления». Предлагаемое нами обращение с другими людьми всегда должно носить, так сказать, признаки «экологизма». Таким образом личная интерсубъективность одновременно обусловлена и поддерживается «космизмом».

Рассматриваемая метафизика, безусловно, связана с телеологией Сибири, «революцией нежности» Папы Франциска, с онтологическими, трансцендентальными основаниями физического принципа наименьшего действия, которые мы находим в реальности и которые позволяют нам чувствовать себя как дома в этом мире. Подход Карако утверждает, что

даже наше использование будущего совершенного времени – наш синтаксис – обязывают нас к существованию более широкой реальности, не уничтожающейся с нашей собственной смертью.

Л и т е р а т у р а

1. Карако, П. С. Вопросы красоты природы в научном и философском наследии В. И. Вернадского / П.С. Карако // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2017. – № 2. – С. 18-28.
2. Карако, П. С. Детерминизм и целевая причина в системе современного научного знания / П. С. Карако // Вестник Полесского государственного университета. Сер. общественных и гуманитарных наук. – 2009. – № 1. – С. 6-19.
3. Карако, П. С. Экологическая эстетика: становление, сущность и роль в оптимизации социо-природных взаимоотношений / П. С. Карако // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. – 2010. – № 2. – С. 31-46.
4. Карако, П. С. Природа в художественной литературе / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2009. – 304 с.
5. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Минск : Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
6. Карако, П. С. Эстетика природы / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2012. – 246 с.
7. Карако, П. С. Социальная экология: экологическое сознание / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2011. – 216 с.
8. Карако, П. С. Природа и нравственность / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2013. – 244 с.
9. Кант, И. Сочинения. В 8-ми тт. / Ред. проф. А.В. Гулыги. – Т. 4. – М: Чоро, 1994. – 544 с.
10. Карако, П. С. Феномен смерти и бессмертия человека в творчестве Л. Н. Толстого (к 180-летию со дня рождения Л. Н. Толстого) / П. С. Карако // Философия и социальные науки. – 2020. – №4. – С. 21-24.
11. Папа Римский Франциск. Энциклика Папы Римского «Laudato si'» о заботе об общем доме. – Москва : НО Издательство Францисканцев, 2015. – 192 с.
12. Папа Римский Франциск. Энциклика. Fratelli tutti. О братстве и социальной дружбе / Франциск; под общ. ред. Д.В. Мухетдинова. – Серия: «Межрелигиозный диалог». – Москва : ИД «Медина», 2021. – 232 с.
13. Address of the Holy Father. Audience with the participants in the Conference on «The theology of tenderness in Pope Francis», 13.09.2018. – URL:<https://press.vatican.va/content/salastampa/en/bollettino/pubblico/2018/09/13/180913a.html>. (Дата обращения 17.01.2024).
14. Мацевич, М. Я. «Нежность» принципа наименьшего действия: от философии физики к парадигме устойчивого развития / М. Я. Мацевич // Философские науки. – 2023. – Том 66. – № 3. – С. 122-159.
15. Цветочки святого Франциска Ассизского. – Москва : Вся Москва, 1990. – 208 с.
16. Хайдеггер, М. Строить-обитать-мыслить / пер. с нем. С. Ромашко / М. Хайдеггер // Проект International. – 2010. – №20. – С. 176-189.
17. Попков, Ю. В. Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства / Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев. – Салехард, Новосибирск : Сибирское научное изд-во, 2006. – 376 с.
18. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Бибихина. – Москва : AdMarginem, 1997. – 451 с.
19. Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития: монография (коллектив авторов; под ред. А.В. Иванова). – Барнаул: Новый формат, 2022. – 368 с.
20. Ratzinger, J. Senza radici. Europa, relativismo, cristianesimo, islam / J. Ratzinger. – Milano: Mondadori, 2004. – 134 p.
21. Степун, Ф. А. Из писем прапорщика-артиллериста / Ф. А. Степун. – Томск: Водолей, 2000. – 192 с.
22. Фукс, Л. П. Образ Сибири и российский культурный ландшафт / Л. П. Фукс // Человек.ру. – 2008. – № 8. – С. 94-112.
23. Хайдеггер, М. Исток художественного творения: избранные работы разных лет / М. Хайдеггер; пер. с нем. А.В. Михайлова – Москва : Академический Проект, 2008. – 527 с.

24. Теребихин, Н. М. Метафизика Севера / Н. М. Теребихин. – Архангельск: Поморский университет, 2004. – 272 с.

References

1. Karako, P. S. Voprosy krasoty prirody v nauchnom i filosofskom nasledii V. I. Vernadskogo / P.S. Karako // Zhurn. Belarus. gos. un-ta. Filosofija. Psihologija. – 2017. – № 2. – S. 18–28.
2. Karako, P.S. Determinizm i celevaja prichina v sisteme sovremennogo nauchnogo znanija / P.S. Karako // Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. obshhestvennyh i humanitarnykh nauk. – 2009. – № 1. – S. 6–19.
3. Karako, P.S. Jekologicheskaja jestetika: stanovlenie, sushhnost' i rol' v optimizacii socioprirodnih vzaimootnoshenij / P.S. Karako // Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija obshhestvennyh i humanitarnykh nauk. – 2010. – № 2. – S. 31–46.
4. Karako, P. S. Priroda v hudozhestvennoj literature / P.S. Karako – Mn.: Jekoperspektiva. 2009. – 304 s.
5. Novejsnij filosofskij slovar': 3-e izd., ispravl. – Mn.: Knizhnyj Dom. 2003. –1280 s.
6. Karako, P. S. Jestetika prirody / P.S. Karako. – Minsk: Jekoperspektiva, 2012. – 246 s.
7. Karako, P.S. Social'naja jekologija: jekologicheskoe soznanie / P.S. Karako. – Mn.: Jekoperspektiva, 2011. – 216 s.
8. Karako, P.S. Priroda i нравstvennost' / P.S. Karako. – Minsk: Jekoperspektiva, 2013. – 244 s.
9. Kant, I. Sochinenija. V 8-mi tt. / Red. prof. A.V. Gulygi. – T. 4. – M: Choro, 1994. – 544 s.
10. Karako, P.S. Fenomen smerti i bessmertija cheloveka v tvorchestve L. N. Tolstogo (k 180-letiju so dnja rozhdenija L. N. Tolstogo) / P.S. Karako // Filosofija i social'nye nauki. –2020. – №4. – S. 21–24.
11. Papa Rimskij Francisk. Jenciklika Papy Rimskogo «Laudato si'» o zabote ob obshhem dome. – M.: NO Izdatel'stvo Franciskancev, 2015. –192 s.
12. Papa Rimskij Francisk. Jenciklika. Fratelli tutti. O bratstve i social'noj družbe / Francisk; pod obshh. red. D.V. Muhetdinova. – Serija: «Mezhreligioznyj dialog». – M.: ID «Medina», 2021. – 232 s.
13. Address of the Holy Father. Audience with the participants in the Conference on «The theology of tenderness in Pope Francis», 13.09.2018. – URL:<https://press.vatican.va/content/salastampa/en/bollettino/pubblico/2018/09/13/180913a.html>. (Data obrashcheniya 17. 01.2024).
14. Macevich, M.Ja. «Nezhnost'» principa naimen'shego dejstvija: ot filosofii fiziki k paradigme ustojchivogo razvitiya / M.Ja. Macevich // Filosofskie nauki. – 2023. – Tom 66.№ 3. – S. 122–159.
15. Cvetochki svjatogo Franciska Assizskogo. – M.: Vsja Moskva, 1990. – 208 s.
16. Hajdegger, M. Stroit'-obitat'-myslit' / per. s nem. S. Romashko / M. Hajdegger // Proekt International. – 2010. – №20. – S. 176–189.
17. Popkov, Ju.V., Tjugashev, E.A. Filosofija Severa: korennye malochislennye narody Severa v scenarijah miroustrojstva / E.A Tjugashev, Ju.V. Popkov. – Salehard. Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izdvo , 2006 . – 376 s.
18. Hajdegger, M. Bytie i vremja / M. Hajdegger; per. s nem. V.V. Bibihina. – M.: AdMarginem, 1997. – 451 s.
19. Civilizacionnaja missija Sibiri: ot tehnogennopotrebitel'skoj k duhovno-jekologicheskoj strategii global'nogo i regional'nogo razvitiya: monografija (kollektiv avtorov; pod red. A.V. Ivanova). – Barnaul: Novyj format, 2022. – 368 s.
20. Ratzinger, J. Senza radici. Europa, relativismo, cristianesimo, islam / J. Ratzinger. – Milano: Mondadori, 2004. – 134 p.
21. Stepun, F. A. Iz pisem praporshhika-artillerista / F.A. Stepun. – Tomsk: Vodolej, 2000. – 192 s.
22. Fuks, L. P. Obraz Sibiri i rossijskij kul'turnyj landshaft / L.P. Fuks // Chelovek.ru. – 2008. – № 8. – S. 94–112.
23. Hajdegger, M. Istok hudozhestvennogo tvorenija: izbrannye raboty raznyh let / M. Hajdegger; per. s nem. A.V. Mihajlova – M: Akademicheskij Proekt, 2008. – 527 c.
24. Terebihin, N.M. Metafizika Severa / N.M. Terebihin. – Arhangel'sk: Pomorskij universitet, 2004. – 272 s.